DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.4.03

УДК 13:070.1

ОТ ФАКТА К ФЕЙКТУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОПЫТА В ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

К.А. Очеретяный

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 23 мая 2019 г.
Принята: 17 сентября 2019 г.
Опубликована: 31 декабря 2019 г.

Ключевые слова:

факт, фейк, фейкт, цифровая реальность, медиафилософия, медиареальность, эстетика, опыт.

АННОТАЦИЯ

Предлагаемая статья затрагивает актуальную проблематику условий формирования опыта в цифровой реальности, когда эстетическое, аффективное, имажинативное становится более значимым, чем понятийное, а художественные стратегии более значимы в формировании повседневности, чем политические, этические и социальные установки, то есть последние оказываются невыносимы без первых как медиума. Поскольку статья ставит целью исследовать трансформацию границ между виртуальным и актуальным, фиктивным и фактическим, документальным и фантазийным, в ней анализируется непосредственное изменение в поле эстетического опыта, когда революция в сознании – лишь отражение революции в чувствах. В связи с этим выдвигается понятие «фейкт», выражающее неразличимость факта и фейка в опыте цифрового взаимодействия. Как сбой в речи – оговорка, сбой в письме – опечатка, так и сбой в работе сознания – измененные состояния могут сказать больше о субъекте, чем его самосознающее «Я». Точно так же и фейк в цифровом опыте способен сказать больше о социальном воображении, о коллективных надеждах и страхах, об аффектах, чем факты, которые говорят только о самих себе. Отсюда новизна исследования. Фейк необходимо рассматривать не как исключительный продукт злой воли, но как зеркало общественных настроений, как ключевое противоречие, которым держится целое, поскольку сила коммуникативного сознания определяется тем количеством противоречий, которое оно способно удержать. В цифровом опыте – как в современном Gesamtkunstwerk (коллективном и комплексном произведении искусства, чья цель взаимодействие на основе экзистенциального аффекта, а не рационального понятия) – верят не в истинное, а в наиболее привлекательное, в то, что отвечает ожиданиям человека, переутомленного информационным изобилием: в радикально новое, в скандальное, в шоковое, в то, что способно задеть, а задев, длительное время остаться в качестве переживания. Поэтому факты, для того чтобы оставаться в зоне внимания, переходят в формат фейка. При смене масштаба меняется и роль художественного произведения, и значение художественной практики. Искусство становится повинностью в формате перманентной самодокументации и саморепрезентации, а истина светит отраженным светом – художественной правдой: уже не подделка подражает подлиннику, но подлинник – подделке. Фейкт – из побочного гибрида обратного воздействия лжи на истину – становится эпифеноменом цифровой реальности. В данной статье показано, как методами медиафилософии можно не только эпистемологически и эстетически интерпретировать фейкт, но и использовать его практически в целях формирования доверия и новой искренности, где воля к эстетической репрезентации себя на фоне общих проблем преодолевается памятью о равномерно распределенных рисках.

© ПНИПУ

© **Очеретяный Константин Алексеевич** – кандидат философских наук, старший преподаватель, ORCID: 0000-0002-0711-644X, e-mail: kocheretyany@gmail.com.

© **Konstantin A. Ocheretyany** – PhD in Philosophy, Senior Lecturer, ORCID: 0000-0002-0711-644X, e-mail: kocheretyany@gmail.com.

Исследование выполнено при финансовой поддержке
РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31418
«Политика формирования доверия в эпоху фейка».

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

FROM FACT TO FEIKT: TRANSFORMATION OF EXPERIENCE IN DIGITAL REALITY

Konstantin A. Ocheretyany

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 23 May 2019
 Accepted: 17 September 2019
 Published: 31 December 2019

Keywords:

fact, fake, feikt, digital reality,
 mediaphilosophy, mediareality,
 aesthesis, experience.

ABSTRACT

The proposed article touches upon the current problems of conditions for the experience formation in digital reality when aesthetic, affective, imaginative becomes more significant than conceptual, and artistic strategies are more significant in formation of everyday life than political, ethical and social attitudes. In other words, the latter are inconceivable without the former as a medium. Since the aim of the article is to study the transformation of the boundaries between the virtual and the actual, the fictitious and the actual, the documentary and the fantasy, it reacts to a direct change in the field of aesthetic experience, when the revolution in consciousness is only a reflection of the revolution in feelings. To achieve this goal, the concept of "faikt" is put forward, which expresses the indistinguishability of fact and fake in the experience of digital interaction. Similar to the failures in speech – a reservation, a failure in the letter – a typo, a failure in the work of consciousness – altered states, can say more about the subject than his self-conscious "I", a fake in the digital experience is able to say more about social imagination, about collective hopes and fears, about affects, than facts which speak only about themselves. Hence, the novelty of the study, a fake, must be considered not as an exceptional product of evil will, but as a mirror of public sentiment, as a key contradiction which holds the whole – since the power of communicative consciousness determines the amount of contradictions that it can hold. In the digital experience – as in the modern Gesamtkunstwerk (a collective and complex work of art whose purpose is the interaction based on existential affect rather than a rational concept), they do not believe in the true, believe in the most attractive, in what meets the expectations of a person overworked by information abundance: into a radically new, into a scandalous, into a shock, into something that is capable of hitting, and hitting for a long time remains as an experience. Therefore, the facts transform into the fake format in order to remain in the zone of attention. At a change of scale the role of the work of art and the value of artistic practice are also changed – art becomes conscription in the format of permanent self-documentation and self-representation, and truth shines with reflected light – artistic truth: it's not a fake that imitates a fraud, but the original – a fake. Faikt becomes the epiphenomenon of digital reality but not a side hybrid of the reverse effect of lying on the truth. This article shows how the methods of media philosophy can not only epistemologically and aesthetically interpret a fake, but also use it practically in order to build confidence and new sincerity where the will to represent oneself aesthetically against the background of common problems is overcome by the memory of equally distributed risks.

© PNRPU

Роль подделки в культуре до сих пор не оценена по достоинству. Подделку порицают и презируют, ее преследуют и старательно выявляют, а выявив – непременно наказывают. Забывают, впрочем, что подделка неоднократно приносила пользу, в том числе и создателям оригинала: ведь чаще она не столько замещала и вытесняла его, сколько давала о нем представление – была медиумом оригинала. В самом деле, если бы не подделка и ее неконтролируемое распространение, как бы еще познакомились с оригиналом те, кто прямого доступа к нему получить не могут (рис. 1)? А если бы не утончающееся мастерство ищущих наживы создателей подделок и не растущие запросы аудитории, кто бы еще выдвигал императивы к создателю оригинала и обеспечивал его творческий рост. Тем самым ее роль исторически оправданна. В подделке стоит видеть если не прямую причину, то по крайней мере фермент, ускоряющий культурные процессы в социальном теле; не только хитрость отдельного человека или группы людей – стремление к выгоде, но и хитрость человеческой истории через умножение и распространение подделок, заставляющую мастеров совершенствовать свой навык, а публики свои вкусы.

Тем не менее если в подделке издревле видели нечто запретное, если ей приписывали даже не способность исказить оригинальное произведение, а силу воплощать саму ложь, то это связано не с психологией, оправдывающей усилия, вложенные в творение, не с материальной стороной дела (репродукцией) и даже не с искомой целью подделки, пусть и постыдной – присвоить себе

Рис. 1. «Content Aware Studies». 2018 г. Воссоздание утраченных фрагментов античных скульптур и фризов с помощью технологий машинного обучения. Фрагмент инсталляции. Алгоритмы машинного обучения, мрамор, 3D печать, полиамид. Егор Крафт (Россия). Фотография Алёны Ужеговой

чужую славу, богатство, имя и т.д., это связано с экологией мистического видения – с борьбой за чистоту опыта. Вещи должны быть увидены так как они есть, а видение это должно быть сохранено, поддержано традицией и передано социальными институтами иным поколениям. Жрец, философ, художник – тот, кто видит вещи не искаженными, тот кто ответствен за хранение изначального опыта, тот, для кого в бытовой стороне вещей сохраняется зеркало их бытийной сути. Известно, что любая традиция негативно относится к новому, так как любое нововведение грозит внести непоправимые изменения в стихию устойчивого существования. Часто ряд уже осуществленных завоеваний оказывается более значимым для общества, чем нововведения; первые поддерживают его жизнь, последние подвергают его риску. Однако новое, сначала гомеопатическими дозами, проникает в социальное тело, а затем и вовсе становится его ключевым питательным элементом. Общество становится открыто изменениям; они уже не столько угрожают ему, сколько испытывают его иммунную систему, приводят к развитию социальных сил и росту пластичности социального тела; степень негативного вклада все более снижается, общество становится способно принять все больше нового, взять на себя все больше риска (рис. 2). В конце концов, общество начинает жить исключительно новым, ему требуется все больше актуального опыта: без обновления питательной среды оно деградирует; новое время, новости, новеллы – все это продукты одних и тех же ключевых трансформаций в логике общественного развития. Требования к подлинности и подозрение в подделке стремительно возрастают.

Дело в том, что видение вещей неискаженными, за которое в разных традициях были ответственны жрец, философ и художник, – это усилие по обновлению духовного зрения, борьба против социального автоматизма, против превращения поэзии в формулу, за бытийное против бытового. Тот, кто создает подделку, делает как бы внешний слепок вещей, не проникая в смысл их бытийного устройства. Онтологическую слепоту выдают здесь за видение подлинности.

Рис. 2. «Я хочу родить дельфина». 2013 г. Комплексный проект суррогатного материнства для исчезающих видов животных в целях решения проблемы грядущего продовольственного кризиса. (При участии Масамичи Хаяши.) Ай Хасегава (Япония). Кадр из видеофильма

Уже Аристотель полагал, что вещь – форма бытийной собранности, а определение – речь о сути вещи, то есть онтологически выверенное именование вещи не является результатом произвола, конвенции, но является ее энергией, сбыванием вещи из таинственных онтологических глубин. В вещи собран мир, в слове собрана вещь, вещь сбывается в имени. Вещи, оформляя бытийный опыт, жаждут слова, жаждут звучать и говорить о том опыте, который они своим существованием высветили. Жрец, философ, художник оставляют в вещах и именах некий духовный орган, позволяющий видеть, чувствовать, мыслить мир. Отсюда формула М. Мерло-Понти «художник преобразует мир в живопись, отдавая ему взамен свое тело», отсюда же роль научного метода в психотехниках социального тела: все способы собирания мира в вещах и речах, которые они вызывают, должны идти от видения и опыта нового в сопротивлении социальному автоматизму – легковесности уже виденного. Если жрец, философ, художник, ученый оставляют тело как органон, как орган экзистенциальной ориентации, то создатель подделок – это похититель тел, он не может создать орган понимания, чувствования, видения, но может переприсвоить уже созданное – он паразитирует на уже бывшем, копируя внешнюю сторону вещей и тем самым лишает социальное тело пластичности – силы обновления. Не все одинаково, то есть одними и теми же словами сказанное имеет равный смысл и равный символический вес: смысл сказанного не только в значении или в интонации, но и в опыте, который часто невозможно подделать. Мудрость, высказанная человеком, пережившим опыт, звучит иначе и задевает глубже, чем та же мудрость, которая высказана незрелым умом. В случае человека, опыта (в том числе и духовного) не имевшего, мы сталкиваемся не с высказыванием, а лишь со стершейся формулой. Подделка может быть материальным медиумом оригинала, и тогда она выполняет миссию распространения силы онтологического высказывания, но изначальное произведение является введением в нематериальное видение. У оригинала есть феноменальная и но-

уменьшительная сторона, поэтому он никогда до конца не выражается в явлении, даже если явления для его выражения стремятся выстроиться в бесконечный ряд; у подделки есть только феноменальная сторона, она не имеет корней, уходящих в прасоциальную, пракультурную, прачеловеческую, праприродную действительность. Все меняется по мере роста феноменов – количественного увеличения свидетельств соприкосновения с миром.

По мере роста пластичности социального тела, открытости риску и усиливающейся жажды нового требования к подлинности и подозрение в подделке возрастают настолько, что вещи перестают говорить сами за себя: появляются сообщества экспертов, которые легитимируют вещь в ее подлинности. Сначала это касается географических и антропологических открытий – множество мест и племен, которые нельзя увидеть, заменяются описаниями и изображениями; затем научных открытий – множество феноменов фиксирует не столько опыт человека, сколько его технические и мыслительные установки, а язык научного описания феноменов в условиях растущей специализации редко становится понятен даже представителям смежных областей. Власть сообщества экспертов приходит в искусство, которое после возникновения фотографии вынуждено отказаться от репрезентативности и уйти в иные практики, и, наконец, по мере увеличения роли средств технологической воспроизводимости производиться начинает вся жизнь человека в целом, а эксперты приходят в повседневность, определяя вкусы, настроения, желания, марку сигарет и парфюма. Поскольку только коллективными усилиями экспертных сообществ удастся отличить оригинал от подделки, истину от лжи, а всякая коллективность приводит к росту общности понимания и девальвации исходного опыта, его переводу в абстракцию, речь уже не идет о том, чтобы соотнести факт с ноуменальным онтологическим измерением, достаточно хотя бы того, что феномен не будет противоречить феноменальному ряду, в который его пытаются включить. Сам опыт начинает пониматься принципиально иначе: опыт переживания, вовлечения, со-общения заменяется опытом интерпретации, опытом сообщества. Борьба за истину и рост фобии лжи в условиях пролиферации нового приводит к тому, что сама истина приобретает иной формат.

Уже Лейбниц показал роль экспертных сообществ в стабилизации реальности – в ее освоении, одомашнивании, упрощении. В работе «О способе отличения явлений реальных от воображаемых» (1705–1707) [1, с. 110–114] он признает существующим то, что дано посредством отчетливого восприятия, однако отчетливость – это не психологическое свойство мыслящего «Я», а яркость, многогранность и согласованность явления: наиболее надежный его признак – согласие со всем ходом жизни. Иными словами, для Лейбница согласие явлений – и есть действительность, он даже утверждает, что если бы сновидение было достаточно ярким, переживалось бы коллективно (то есть другие видели бы схожие с моими сны) и длилось целую жизнь, то оно и было бы реальностью. Права на легитимацию связи явлений, на их согласование вполне могут быть переданы сообществу экспертов. Попытка укротить пролиферацию феноменов связью, которую устанавливают и поддерживают эксперты (обладающие соответствующими экспертными технологиями), а реальность определить через согласованность феноменов, отличив ее продукты от продуктов воображения (обладающих сравнительно меньшей согласованностью), – изобретение недавнее. Известно, как важна роль сна, галлюцинации, воображения в самых различных сообществах. «Мы находим в официальных анналах Асархаддона запись о фантастических чудовищах – двухголовых змеях и зеленых крылатых существах, которых видел изнуренное войско на самом утомительном участке пути в безводной Синайской пустыне. Можно вспомнить, что греки видели Дух Марафонской равнины, появившийся во время решающей битвы с персами. Что же касается чудовищ, то египтяне Среднего Царства, так же боящиеся пустыни, как и их современные потомки, изображали драконов, грифонов и химер

наравне с газелями, лисицами и другими пустынными зверями» [2, с. 32]. «В одном из документов, относящихся ко времени крестовых походов, подчеркивается, что при взятии Иерусалима в 1099 г. вместе с живыми на штурм шли и все те, кто погиб в пути» [3, с. 136]. Но не столько явления из сферы фантазии оказывались инкрустированы в якобы намеченные границы между сном и бодрствованием, опьянением и трезвым разумом, сами границы обладали жизненной динамикой и не оставались прежними. Длительное время требования к точности мер и длин были менее строгими: средневековые меры – меры тела и самой земли – землемерия, а не геометрии, фактически несоизмеримы и зависели от конкретного места, так же как и длины часа зависели от времени года [4, с. 26–37]. То же касалось и составления карт. Незнание (или скорее забвение) принципов проекции объема на плоскость привело к тому, что карты были скорее символическими, чем математическими; более точные морские карты показывали только расстояние и направление, но и они, созданные по показаниям компаса, вынуждены были учитывать смещение магнитных полюсов Земли, а потому все время находиться в движении, не обладать статичными координатами [5, с. 31–32]. Устойчивая сеть категорий как способ ориентации в мышлении – продукт не менее поздний, чем устойчивая сеть координат как способ ориентации в пространстве, времени, причинно-следственной связи. Чистый разум учреждал себя в противовес нечистой силе, но чем больше освящалась его чистота, тем больше вытеснялось им – признавалось нечистым.

Если древнегреческий философ Гераклит полагал, что люди, пока грезят, существуют в индивидуальных и замкнутых мирах, а пробуждаются непременно к единству общего разума, то Лейбниц согласен предположить, что не только общий для всех разум, но коллективный фантазм более реален, чем прихоть индивидуальной фантазии. В конце концов разум может быть коллективной грезой, длящейся поколениями, т.е. возможно предположить сон в форме разума, где главное – согласие явлений, а согласие явлений – может быть согласием экспертов. Однако индивидуальное сознание видит в этом закономерный ущерб – эксплуатацию большинством меньшинства. Ведь связь явлений наиболее прочна там, где она достигается высокой степенью согласия, а высокая степень согласия покупается слишком дорогой ценой – его упрощением. Гегель обратил внимание на то, что любое знание явления есть в то же самое время и явление знания: мы знаем не столько вещи, сколько знания о них. Э. Ауэрбах в отношении другого вопроса заметил, что историк уже в силу сложности и многообразия материала, с которым ему приходится работать, вынужден придавать своему знанию повествовательную форму, превращать исторические факты в рассказы, тем самым переводя историю в мифологический формат [6, с. 40–41]. Сон в форме разума, миф в форме знания позволяют нам видеть только самих себя, иначе говоря, только принципы своего согласования, где диктатура большинства, определяющая нормы, неизбежно приводит к бунту индивидуального сознания. Наиболее заметно это в ситуации информационного сообщества и цифровой революции.

С ростом и развитием технологий – экзоскелета социального тела – новое растет в таком количестве, что его пролиферацию вынуждены контролировать те, кто компетентен в том, в чем никто иной не компетентен, – сообщества экспертов. Остальные вынуждены верить на слово упрощенным моделям и расхожим формулам. Причем научные эксперты мало чем отличаются от всех остальных: экспертов художественного вкуса, экспертов оценки политических событий, экспертов оценки развлечений, экспертов бытовой техники и одежды. Рост специализации мешает прямому видению, но укрепляет веру. Впрочем, и вера становится одно-сторонней: растет доверчивость к связи событий, растет до своего логического и исторического предела, где она превращается в свою противоположность – тотальное недоверие ко всякой возможной связности. Любая связь объявляется порочной. Любая ясность и от-

четливость – подозрительной. 3. Фрейд мог еще делать предположения от абсурда и в этом смысле принадлежал традиции Лейбница (одному из первых авторов, заговоривших о бессознательном): «Сделаем теперь фантастическое предположение, будто Рим – не место жительства, а наделенное психикой существо – со столь же долгим и богатым прошлым, в котором ничто, раз возникнув, не исчезало, а самые последние стадии развития сосуществуют со всеми прежними. В случае Рима это означало бы, что по-прежнему возносились бы ввысь императорский дворец на Палатине и Septimontium Септимия Севера, а карнизы замка Ангела украшались теми же прекрасными статуями, как и до нашествия готов и т.д. Больше того, на месте Палаццо Каффарелли – который, однако, не был бы при этом снесен, – по-прежнему стоял бы храм Юпитера Капитолийского, причем не только в своем позднейшем облике, каким его видели в императорском Риме, но и в первоначальном облике, с этрусскими формами, украшенном терракотовыми антефиксами. Там, где ныне стоит Колизей, можно было бы восхищаться и исчезнувшим Domus Aurea Нерона; на площади Пантеона мы обнаружили бы не только сохранившийся для нас Пантеон Адриан – на том же месте находилась бы и первоначальная постройка Агриппы. На одном и том же основании стояли бы церковь Maria Sopra Minerva и древний храм, на месте которого она была построена. И при небольшом изменении угла зрения появлялось бы то одно, то другое здание. Нет смысла развивать эту фантазию далее – она ведет к чему-то несообразному и даже абсурдному. Историческая последовательность представима лишь посредством пространственной рядоположенности» [7, с. 71]. То, что для Фрейда – абсурдная фантазия, для цифрового измерения современной культуры – обыденность. Для обитателей цифрового универсума как раз всякая связность, в том числе пространственная рядоположенность, вызывает подозрение в манипуляции. И речь не столько о нечистой силе, прорвавшей цитадель чистого разума, сколько об изменении связей внутри разума, об изменении отношений между истиной и ложью, оригиналом и подделкой, фактом и фейком.

Поппер выдвигает предположение, согласно которому нечленораздельные звуки и болтовня, сопровождающая взаимодействия в группах, развиваются в потребность рассказывать истории. Со временем становится ясно, что событие осуществляется уже не в телесно-инструментальном взаимодействии, оно бестелесно и дает о себе знать в языке – в истории, в комментарии, в теории [8, с. 124–125]. Массовая фабрикация вещей и событий приводит к тому, что люди становятся одинаково открыты всем возможным историям, всем возможным эпохам, всем возможным мирам – всему, кроме самих себя. Мы вынуждены знать больше, чем нужно, жить чужими жизнями, испытывать на себе опыт чужих переживаний. Сеть как условие свободного высказывания становится инструментом учреждения действительности: в сети немногие интересны многим, а многие – никому неинтересны, следовательно, степень реальности у обитателей сети разная; немногие – действительны, а многие недействительны. Ускорение коммуникации и рост информационного оборота приводит к дефициту времени: интерфейсы наших устройств, по видимости облегчая нашу работу и предоставляя нам шанс творить большее, на деле вынуждают нас не только глубоко погружаться в часто излишние технические детали, но требуют большей концентрации, большего внимания, больших скоростей реакции и большей открытости к обратной связи. В такой ситуации вкус, оценка, понимание, а часто даже выражение удовольствия, внимания и заботы должны приходить извне. Видеоблоги не только информируют нас о существовании того или иного предмета, того или иного региона, но и испытывают восторженное его переживание за нас. Мы подключаемся к избранному нами каналу, чтобы отключиться, а за нас эксперты обживают галлюцинаторный аутоэротический дискурс о вещах, событиях, лицах. Уже не художник оставляет нам свое тело, но мы предоставляем свое тело видеоблогеру, стремимся обрести плоть – как степень реальности в социальных медиа. Закрытие

Windows и открытие окна кажется непозволительной роскошью, поскольку та согласованность явлений, которую Лейбниц предписывал действительности в качестве теории, теперь предписывается социальной действительности в качестве общеобязательной практики. Формула Й. Бойса «Каждый человек художник» выворачивается наизнанку: каждый человек принужден к художественному творению, в ситуации онлайн-бытия он вынужден перманентно производить свой образ в сети и цифре, его персональная идентичность капельно орошается трудовым потом и выстраивается через сопоставления усилий с усилиями других. Он оказывается как бы в Kunst-лагере (по аналогии с концлагерем), где самодokumentация становится повинностью (рис. 3). Однако усилие по выстраиванию собственного образа в условиях цифрового ритма существования и предельной интенсивности событий оказывается чрезмерным – оно истощает. Создание нового в одиночку экономически и символически затратно, а подключение к уже созданному мнению, событию, истории кажется в высшей степени эффективным [9, с. 89–94]. При этом подключение к телу блогера, мыслящего и чувствующего за нас (и самое главное – располагающего большим временным ресурсом), приводит к тому, что каждое подключение увеличивает степень его реальности и ослабляет степень реальности подключившегося. Человек в ноосфере цифрового универсума становится ноосферату – вампирическим охотником за телом другого, поскольку само его тело, память, сознание непрерывно растворяются в информационных каналах [10, с. 20–34]. Из источника информации он превращается в переносчика информации, в переносчика чужого опыта. И самой продуманной тактикой борьбы за свободу в этой ситуации становится медиапаразитология.

Рис. 3. «Спекулятивный капитал». Инсталляция, предоставляющая возможность зрителю использовать (сдавать в аренду) тепловые мощности своего тела и содействовать генерации заданной криптовалюты. Мануэль Белтран, Рене Майё (Нидерланды). Фотография Валерия Мальцева

Если свободы нельзя достичь в производстве информации, поскольку инстанции, определяющие опыт мира, монополизированы, а связь явлений – дело экспертных сообществ, то

свободу следует утвердить в смешении устоявшихся кодов: в сбое системы, в девиантном поведении, в глитчах и троллинге. Борьба за существование начинается с требований всеобщего права на фейк. Поскольку подлинным опытом в условиях кризиса информационного перепроизводства является не столько опыт подлинно нового, сколько подлинно новый опыт – его новизна должна быть прежде всего определена отличностью от всего уже виденного и слышанного. Каждое определение предполагает включение нового в устойчивые смысловые связи, оно ослабляет чувство новизны, каждый новый рассказ развивается из уже известных, поэтому его сюжет можно предположить. Фейк обещает радикальный разрыв с уже известным, истину не как согласие, а как раздор, непримиримость, как бунт. И в качестве бунта он вызывает сочувствие, как вызывает сочувствие всякий шум, всякий сбой, всякие помехи в предельно четком идеологическом видении. Фейк обещает новое как таковое, и потому неважно, что он искажает, важно, что в этом искажении сквозь маску информационного аватара проглядывает человеческое лицо – человек узнает самого себя вопреки нечеловеческому сцеплению событий в непроницаемых структурах порядка.

На ранних этапах технологического развития подделка замещала оригинал, на поздних этапах, когда сам оригинал оказывается технически воспроизводим, отличительной особенностью, принципом индивидуации, пусть и в качестве дефекта, обладает только подделка – на нее начинает обращать внимание и рынок, она становится предметом розысков коллекционеров, а не только борцов за авторское право. Но в условиях цифрового сообщества, когда действительность оказывается технически воспроизводима, согласование явлений вступает в конфликт с их яркостью и многогранностью: информационные передозировки, усталость от поставленного на поток производства нового приводят к тому, что новое видят, как радикальный разрыв связи с уже существующим – как момент свободы, пусть и ценой сбоя в социальном автоматизме. Соответственно, если в прошлом подделка паразитировала на подлиннике, но давала обратную связь и была исторически оправданна, заставляя мастеров совершенствовать свое мастерство, а публику вкусы, то сегодня хитростью цифрового разума (а вовсе не отдельных людей) оказывается ситуация, в которой подлинник вынужден паразитировать на подделке: примиряться с ней, использовать ее настроение и стиль. К. Шмитт показал, что враг – фантазм сообщества [11, с. 280–395], которое узнает себя перед лицом врага, но враг – это его собственная греза. Сообщество грезит врагом, и только поэтому существует. Аналогично разум грезит безумием, и только поэтому существует, порядок грезит хаосом, и только поэтому существует, коммуникация грезит срывом. Цифровые формы существования – переход от грезы к действию.

Художники давно заметили, что цифровое искусство объединяет возможности живописи и фотографии: субъективность, свободу и нереальность с объективностью, механикой и реальностью [12, с. 29–65]. В обыденном опыте, точно так же как в опыте искусства, цифра стала принципом неразличимости воображения и объективности, свободы и необходимости, факта и фейка. Теперь разум, для того чтобы быть самим собой, должен не грезить безумием, а быть им. В условиях информационного изобилия (всевидения при хронической смыслонепроницаемости) человек, сопротивляясь превращению в переносчика информации, видит себя человеком только в качестве источника помех – отсюда феномены троллинга, распространения шок-контента, сетевых девиаций. Но и на глобальном информационном уровне (на уровне цифрового существования) разумные формы коммуникации, ориентированные на дискурсивность, как будто уходят в прошлое. Современная коммуникация – это вызов, ее содержание – шок-контент. Самым публичным становится самое приватное, самым обычным явлением становится скандал, самым привычным обращением – оскорбление. В пределе – самое неразумное поведение в условиях бытия онлайн становится самым разумным для увеличения признанности. По-

рядок должен быть представлен как хаос, коммуникация – как собственный срыв, факт как фейк – иначе все они не будут определены в качестве действительного разума, разумной коммуникации, внушающего доверия факта. Наша современная информационная история, – это история багов, глитчей, спама, фейков, троллинга и т.д. Машины социальной коммуникации работают только в сбоях, информация все больше напоминает шум [13, с. 112–130]. Борьба против твердых десигнаторов, ведущаяся в цифровом взаимодействии, растождествление в дискурсе (постправда, постирония и т.д.), опыт гибридной реальности (виртуальной, дополненной, расширенной, смешанной и т.д.) – все это позволяет создать помехи в информационном поле и таким образом определить свое, собственное в символических экономиках обмена (по крайней мере на уровне сбоя) как дизайн желания. Области, которые считались маргинальными и даже девиантными, получают статус резервации подлинности (рис. 4).

Рис. 4. «Модульное тело». 2016 г. Научно-фантастическая онлайн-история о создании модульного живого организма по имени Оскар. (При поддержке VPRO, Mediafonds, Stimuleringsfonds Creatieve Industrie, Fonds 21, STROOM Den Haag.) Флорис Каайк (Нидерланды). Фотография Ивана Козлова

Факт и фейк свободно переходят друг в друга, создавая фейкт – единицу цифрового опыта. Дело не в том, что невозможно отличить истину от лжи, разум от неразумия, дело в том, что разум перестает быть серьезным, если он подает себя в форме разума, истина становится идеологией, если она говорит только о собственной связности. Подобно тому, как в показаниях свидетеля, в речах влюбленного должна присутствовать несогласованность – иначе они превращаются в набор риторических приемов, – несогласованность должна обнаруживаться и в самой реальности, в качестве ее алиби. Анализируя феномен насилия, В. Беньямин замечает, что о насилии всегда говорят как об используемых средствах, но никогда как о самой цели. Насилие как цель и его возможное телеологическое оправдание – вот ключевой вопрос теории насилия [14, с. 65–99]. В. Беньямин дает ответ на этот вопрос, различая насилие человеческое и божественное: человеческое насилие разрушает устоявшийся порядок для того, чтобы установить новый, божественное насилие разрушает порядок для того, чтобы не ус-

танавливать никакого порядка. Фейк как сцепка факта и фейка, как насильственный вывод из социального автоматизма в шум и сбой – это способ реанимации присутствия, личностного вовлечения, личностного переживания, введение в бытие от первого лица, без какого-то предзаданного порядка, без рабочих ориентиров. Задолго до того, как единство времени, пространства, причинно-следственной связи устанавливалось теорией, сообществом экспертов и т.д., оно устанавливалось собственным телом, в боли и удовольствии, в акте жертвоприношения. Цифровая реальность также претендует не на истину и ложь как таковые, а скорее на вовлечение в сопереживание – на попадание в тон. Космос цифровой реальности, как и античный космос, скорее музыкальное целое, пространственно выраженная музыка, единство интонаций, скорее со-настроенность, чем со-общество. В эпоху борьбы за подлинность истина устанавливалась теорией соответствия явления и речи о нем. В эпоху борьбы за согласование явлений друг с другом истина устанавливалась теорией эффективности. В эпоху всеобщего права на фейк, когда согласие вещей и речей выглядит чем-то искусственным, идеологически выверенным, истина устанавливается теорией эффектности. То, что задело нас, что не перестает в нас жить, что пробуждает нас от успокоительных ритмов автоматизма повседневности, что звучит в нас новым настроением, – то и остается в качестве истины. Мы ориентируемся в новой цифровой реальности благодаря боли и удовольствию, мир все меньше становится нашим представлением и все больше нашей волей, т.е. тем, что увеличивает или уменьшает степень нашего могущества. Мы переживаем истину драматически.

Воображаемые пространства, воображаемые времена, воображаемые лица могут быть более истинными, чем их условно-реальные двойники [15, с. 9–18]. Но в условиях цифры реальности необходимо уподобляться фантазии. Фейк способен сказать больше о социальном воображении, о коллективных надеждах и страхах, об аффектах, чем факты, которые говорят только о самих себе. Когда факт уже не может восприниматься всерьез в силу своей очевидности, а значит, и незамысловатой простоты, а фейк – хотя в него и не верят, – вызывает все больший интерес силой формулировки, парадоксальной игрой социального воображения, факт и фейк вступают в отношения взаимодополнительности. Возьмем распространенный сюжет из рекламы, где на фоне личностной выразительности и эмоциональной яркости товара (моющего средства, энергетического батончика, газированного напитка) действуют и говорят обезличенные в своих типажах человеческие фигуры. Лик вещи куплен здесь превращением человеческого лица в личину. И обратный пример: подобно тому как существуют древние вещи и вещи, искусственно состаренные, продающиеся на рынках и в небольших магазинах самых разных городов, существуют и культуры древние и искусственно состаренные. Культура может искусственно поддерживать свою древность в целях роста влияния или даже в прикладных коммерческих целях, например, предлагая себя как возможный предмет туристического спроса. Однако императивы глобализма показывают, что работа над поддержанием пусть даже искусственной древности оказывается часто более напряженной, чем выход в современность. Как искусственно состаренные вещи в акте ручного нанесения сколов и трещин рождаются из духа сопротивления идентичности массового производства, чувства истории, то есть бывшести в употреблении, хождения в круге лиц, так и культуры, искусственно состарившие свой возраст, могут давать большее: обратная перспектива истории, то есть достраивание причин исходя из имеющихся следствий, провоцирует работу воображения, позволяет жить в фантазии, видя во всякой конкретно-исторической воплощенности несовершенство и неполноту. Время здесь оказывается истинным, несмотря на его внешнюю искусственность, поскольку зеркально открывает глубину субъективности; оказывается временем не всеобщей истории, а истории индивидуальной, инспирированной работой нашей фантазии (рис. 5). По-

купая такие вещи, мы покупаем в мире одноразовых продуктов, окаймленных рекламой, то есть чужим или даже отчужденным сознанием, право на миф, право на фабрикацию собственной истории в свободе воображения. В первом случае претензия на истину оказывается вовлечением в чужую историю (и торжеством ложного отчужденного сознания), во втором случае заведомая ложь позволяет создать историю самому (проявить автономию творческого духа). Фейкт – совмещает эффективность лжи с простотой истины, он снимает антогонизм факта и фейка, возводя их отношения в иную степень реальности. Рано или поздно даже вещи, обладающей мифом, придется симулировать его отсутствие. Шоколад без упаковки – это шоколад в естественной оболочке, а это – та еще история, моющее средство без рекламной истории – продукт экологического дискурса, претендующего на отсутствие идеологической добавки, и т.д. Неудивительно, если действительно древним городам придется подражать городам, искусственно состаренным. Фейковые аватары в социальных сетях уже сейчас наращивают цифровую мускулатуру: их преследуют, а потому им необходимо быть более реальными – гиперреальными. Их привлекательность приводит к тому, что им симпатизируют, им завидуют, их эстетический ресурс заимствуют – и только на основании доверия еще возможен диалог. Фейкт как неразличимость факта и фейка требует решимости – вне объективных критериев выбора актуализирует вкус: одновременно чувственную и сверхчувственную способность, ориентирующую в чувственно-сверхчувственной цифровой реальности. Сила фейкта в том, что он ни за что себя не выдает и в этом смысле самодостаточен. Напротив, фейкт предъявляет новые требования к нам – требования веры, доверия, способности выйти из себя (из своих суеверий и фантазмов) и открыться многообразию опыта веры. Фейкт не опознают, его не оценивают, им не смущаются – им живут, как живут верой, иначе остается жить суевериями – отчужденными, спроектированными вовне и гипертрофированно неудовлетворенными желаниями.

Рис. 5. «Психопроза». Процессуальная скульптура, перерабатывающая морские водоросли и грибы в дофамин – универсальный источник удовольствия и усилитель когнитивной деятельности человека. Томас Фойерштайн (Австрия). Фотография L.R.

Греческое слово *πρᾶγμα*, эквивалентное русскому «вещь», происходит от *πρᾶσσω* (я делаю) + *-μα* (суффикс, фиксирующий результат). Вещь – сделанное или воплощенное. Немецкое *ein Ding*, как и английское *a thing*, восходит к протоиндоевропейскому **tenkó-*, от **tenk-* (быть подходящим) в первоначальном смысле «подходящего времени» (например, когда цветут цветы, животные достигают половой зрелости или воплощаются замыслы), а затем «собраний», «вопроса для обсуждения». Уже не вещь собирается как воплощенное время, то есть открывает свою истину в порядке природы, но ее собирают речи, она вызывается на беседу в порядке культуры, ее истина устанавливается обсуждением и тщательным расспросом. В связи с этим можно вспомнить, что категория как понятие, отражающее существенные свойства и связи явлений, также от древнегреческого *κατηγορία* (сл.) – «обвинение» и в конечном счете из праиндоевропейского **kenta-* – «вниз, через» + **h₂orá-* – «народное собрание». Таким образом, немецкое *ein Ding* и английское *a thing* родственны слову «тинг» (сканд. *ting*, исл. *þing*, нем. *Tag – Tag*), обозначающему древнескандинавское и германское народное собрание, на котором дознавались истины вещей, их ценности и смысла. Русское «вещь» (ст. слав. *вѣшти*) также близко «вече» (ст. слав. *вѣште*) – собранию для обсуждения важных дел общины. Прежде того как вещь становится реальна в чувственном опыте, она должна стать предметом настроения, тяжды, заботы, ею должны жить, она должна отражать интерес, схватывать его, воплощать и возвращать. В вещи сходятся настроения и интересы, поэтому она и является миниатюрным зеркалом космоса, всего смыслового устройства реальности. Фейкт возвращает опыт вещи (в том числе события, лица) как опыт захваченности. Фейкт в отличие от факта и фейка не является категорией познания, он является модусом существования, настроением, тоном. Вовлеченность в фейкт говорит о настроенности на то, что предшествует разделению на истинное и ложное, на фактическое и фантазматическое: говорит скорее об интонации воли. Неразличимость факта и фейка вынуждает к принятию ответственности и оставляет место для произвола. Индивидуальная инвестиция – включенность в охоту за истиной, всякий раз оказывается творческим домыслом, высказывание истины – правдоподобным мифом. Все это дает простор спору о том, что вещь, событие, лицо оказываются как бы не закончены, а потому за них необходимо вести борьбу: в дискуссии, в альтернативном видении, в вскрытии ее ранее неразгаданной изнанки. Таким образом, цифровой универсум возвращает лицо, возвращает актуальный опыт не как опыт вещей, но как опыт согласия о вещах: знание явления в цифровой среде оказывается уже не столько явлением знания – дискурсивной системы координат, учреждаемой экспертными сообществами, сколько проявлением допредикативной ориентации, бытийных установок, экзистенциальной настроенности. Факт утверждается специалистами, фейк создается ради провокации или наживы, фейкт не позволяет очистить вещь от ложных наслоений, но эти наслоения и не являются в полном смысле слова ложными, скорее это след фантазии, ведущий в досубъективное, в допредикативное, экзистенциальное. Согласно И. Канту, суждения вкуса, хоть и не основаны на определенных понятиях, имеют в основе неопределенную идею свехчувственного в нас: фейкт, будучи вещью как тяжбой, вещью-вне-себя, провоцируя свободу и драматическое беспокойство, дает нашим суждениям вкуса экзистенциальное расширение, реализует свехчувственное в нас, освобождая от патины дней, возраста, памяти, впервые для себя. Фейкт – испытательный полигон экзистенциальных проектов, наша способность обратиться к себе извне, увидеть себя множеством глаз цифрового космоса.

Список литературы

1. Лейбниц Г.В. О способе отличения явлений реальных от воображаемых // Сочинения в четырех томах. – Т. 3. – М.: Мысль, 1984. – С. 110–114.

2. Франкфорт Г., Уилсон Дж., Якобсон Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека – М.: Наука, 1984. – 236 с.
3. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. – М.: Прогресс, 1987 – 380 с.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – 320 с.
5. Холл М. Б. Наука Ренессанса. Триумфальные открытия и достижения естествознания времен Парацельса и Галилея. 1450-1630. – М.: Центрполиграф, 2014. – 351 с.
6. Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. – М.: Прогресс, 1976. – 576 с.
7. Фрейд З. Недовольство культурой // З. Фрейд. Психоанализ. Религия. Культура. – М.: Ренессанс, 1992. – С. 65–134.
8. Поппер К. Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология. Антология / науч. ред., сост., Е.Н. Князева. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – С. 110–133.
9. Болц Н. Алфавит Медиа. – М.: Европа, 2011. – С. 136.
10. Krock A., Krock M. Theses on the Dissapiering Body in the Hypper-Modern Condition // Body Invaders: Panic Sex in America. Ed. A. Krock A., M. Krock. – Montreal: New World Perspectives, 1987. – P. 20–34.
11. Шмитт К. Понятие политического // К. Шмитт. Понятие политического и другие работы. – СПб.: Наука, 2016. – С. 280–395.
12. Вайбель П. К истории и эстетике дигитального искусства // П. Вайбель. 10++ программных текстов для возможных миров. – М.: Логос-Гнозис, 2011. – С. 29–65.
13. Очеретяный К. А. Основания цифрового разума // The Digital Scholar: лаборатория философа. – 2019. – Т. 2, № 1. – С. 112–130.
14. Бенъямин В. К критике насилия // В. Бенъямин. Учение о подоби. Медиаэстетические произведения: сб. ст. – М.: Изд-во Рос. гос. гум. ун-та, 2012. – С. 65–99.
15. Margreiter R. Realitaet und Medialitaet. Zur Philosophie des Medial Turn – Medien Journal // Zeitschrift fuer Kommunikationskultur. – 1999. – Bd. 23. – Nr. 1. – S. 9–18.

References

1. Leibniz G.V. O sposobe otlichenii iavlenii real'nykh ot voobrazhaemykh [About the method of distinguishing real phenomena from imaginary]. Moscow, Mysl', 1984, vol. 3, pp. 110-114.
2. Frankfort G., Wilson Dzh., Jakobson T. V preddverii filosofii. Dukhovnye iskaniiya drevnego cheloveka. [On the threshold of philosophy. Spiritual quest of ancient man]. Moscow, Nauka, 1984, 236 p.
3. Kardini F. Istoki srednevekovogo rytsarstva [Origins of medieval chivalry]. Moscow, Progress, 1987, 380 p.
4. Gurevich A. Kategorii srednevekovoi kul'tury [The category of the medieval culture]. Moscow, Iskustvo, 1972, 320 p.
5. Holl M.B. Nauka Renessansa. Triumfal'nye otkrytiia i dostizheniia estestvoznaniia vremen Paratsel'sa i Galileia. 1450-1630 [Science of the Renaissance. Triumphal discoveries and achievements of natural history of Paracelsus and Galileo. 1450-1630]. Moscow, Zakrytoe aktsionernoe obshchestvo, Tsentrpoligraf, 2014, 351 p.
6. Auerbach E. Mimesis. Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapadnoevropeiskoi literature [Mimesis. Image of reality in western european literature]. Moscow, Progress, 1976, 576 p.
7. Freud Z. Nedovol'stvo kul'turoi [Civilization and its discontents]. Psikhoanaliz. Religii. Kul'tura. Moscow, Renessans, 1992, 65-135 pp.
8. Popper K. Evolutsionnaya epistemologiya [Evolutionary epistemology]. Evolyucionnaya Epistemologiya. Antologiya. Ed. E.N. Kniazeva. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2012, pp. 110-133.
9. Bolz N. Alfabuka Media [ABC of Media]. Moscow, Evropa, 2011, 136 p.
10. Krock A., Krock M. Theses on the dissapiering body in the hypper-modern condition. Body Invaders: Panic Sex in America. Eds. A. Krock A., M. Krock. Montreal, New World Perspectives, 1987, pp. 20-34.
11. Shmitt K. Poniatie politicheskogo [The concept of the political]. Poniatie politicheskogo i drugie raboty. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskaia izdatel'skaia firma «Nauka» Rossiiskoi akademii nauk, 2016, pp. 280-395.
12. Vaibel' P. K istorii i estetike digital'nogo iskusstva [On the history and aesthetics of digital art]. 10++ programnykh tekstov dlia vozmozhnykh mirov. Moscow, Logos-Gnozis, 2011, pp. 29-65.
13. Ocheretiani K. A. Osnovaniia tsifrovogo razuma [Foundations of digital mind]. Digital Scholar: The laboratory of Philosopher. 2019, vol. 2, no. 1, pp. 112-130.
14. Ben'iamin V. K kritike nasiliia [Towards a criticism of violence]. Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2012, pp. 65-99.
15. Margreiter R. Realitaet und Medialitaet. Zur Philosophie des Medial Turn – Medien Journal. Zeitschrift fuer Kommunikationskultur, 1999, vol.23, no. 1, pp. 9-18.

Константин Очеретяный (р.1988, Ленинград) – медиафилософ, теоретик компьютерных игр. Окончил аспирантуру философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Кандидат философских наук (СПбГУ, 2015). Работает на кафедре философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета. Публиковался в изданиях: «Вопросы философии», «ХЖ», «Философия науки и техники», «Философские науки». Автор и соавтор книг: «Хаофония. Аналитика медиатела» (2013), «Компьютерные игры: стратегии исследования» (2014), «Петр Рейхет – актуальный художник» (2016), «Визуальная экология: формирование дисциплины» (2016). Награжден почетной грамотой Санкт-Петербургского философского общества по результатам конкурса «Вторая навигация – 2015» за подготовку и публикацию первой в России коллективной монографии, открывшей философский подход к исследованию феномена компьютерных игр. Является членом всемирной ассоциации Game Philosophy Network – наиболее авторитетного сообщества исследователей концептуальных возможностей компьютерных игр. Член международной редколлегии журнала «Галактика медиа: журнал медиаисследований».

Konstantin Ocheretyany (b. 1988, Leningrad) - media philosopher, computer game theorist. He completed the graduate school of philosophy at St. Petersburg State University (SPbU). PhD in Philosophy (St. Petersburg State University, 2015). He works at the Department of Philosophy of Science and Technology of St. Petersburg State University. His works were published in the editions: "Voprosy Filosofii", "ХЖ", "Philosophy of Science and Technology", "Philosophical Sciences". Author and co-author of books: "Haophonia. Media analytics" (2013), "Computer games: research strategies" (2014), "Peter Reichet – the actual artist" (2016), "Visual ecology: formation of the discipline" (2016). He was awarded an honorary diploma of St. Petersburg Philosophical Society based on the results of the "Second Navigation – 2015" competition for the preparation and publication of Russia's first collective monograph, which opened a philosophical approach to the study of computer games phenomenon. He is a member of the worldwide association "Game Philosophy Network", the most respected community of researchers of computer games conceptual capabilities. Member of the international editorial board of the journal "Galaxy Media: Journal of Media Research".